

Бакыт

Кариебаева

доктор филологических наук,
профессор, писатель

ОСОБЕННЫЙ САД МУЗЫКИ

Связь поэтики Магжана Жумабаева и Толегена Айбергенова

Почему-то уникальные таланты, подобные поэту Толегену Айбергенову, вспыхивают лишь изредка. А скорое их затухание дает пищу беспокойным мыслям, повисая в казахском обществе тяжелейшим грузом неразрешенной проблемы. Когда Сталин на евразийском пространстве под корень рубил судьбы поэтов, казахскую литературу погубило клеймо «пантюркизма». Эта «программа», нацеленная на развеивание пепла «очага поэзии Востока», признанного Западом, в рамках тоталитаризма была осуществлена как по-писаному: именно так в жертву был принесен Магжан Жумабаев. 18 марта 1937 года утомленный своим изгнанием в Кызылжаре Магжан приехал навстречу своей смерти в Алма-Ату. А десятью днями раньше мать Айбергенова родила будущего «маленького скакуна» – последователя Магжана.

Да, именно в том году и в том месяце произошло немыслимое событие – из «черного горя» Магжана в мир пришел Айбергенов – «с золотым чубом». Словно реинкарнация Магжана, Айбергенов за отпущенный ему тридцатилетний срок сверкнул яркой молнией в казахской поэзии, прогремев громом, пролив жемчужный дождь своих стихов. Айбергенов вдоволь исходил русла рек-стихов породившей Магжана всемогущей стихии искусства слова. И, повторив его судьбу, попал в кровавые когти века. Именно этим определяется роль поэта Толегена Айбергенова. Поразительное таинство природы: посланный свыше, после выполнения своей миссии он в том же образе ангела вновь улетел в бескрайние небеса. Не оставил после себя грязи – сохранил прозрачно-чистой поэзию...

В срочном порядке Торекулов и Ходжанов¹ перевели Магжана из ограниченного возможностями Казахстана в Туркестан, созданную после революции автономию со столицей в Ташкенте. Обретя поддержку своему творчеству, поэт оживил людскую память об ученых Средней Азии, вновь возродил в своих стихах образ аль-Фараби, о котором мало кто слышал. Подобно первому теоретику мирового музыкального искусства аль-Фараби, Магжан стал «вождем» в тюркской музыке, напитал слух народа мелодией. Дочь Ходжанова Зиба благодаря отцу эту «мелодию», услышанную в детстве, не забыла до 80 лет. «...Доченька, послушай мелодичное восточное исполнение», – говорил ей наставник и отец, когда по

¹ Назир Торекулов (1892–1937), Султанбек Ходжанов (1894–1938) – политические и общественные деятели советского Казахстана 1920–1930-х годов, оказывавшие поддержку выдающимся представителям казахской интеллигенции и ставшие жертвами сталинского террора.

радиорепродуктору передавали песню Магжана («Простор», № 2, 2016). Свободно освоивший восточную поэзию Магжан не отделял слово от музыки. Лестница к разуму – музыкальная сущность – объединяет аль-Фараби и Магжана в древней философии и мудрости. Известно, что Фараби, живя в арабских странах, был назван «вторым учителем». И когда Магжан разжег этот погасший было «очаг», казахская литература вновь обрела богатую полноценность. В годы опустившейся на землю «черной тьмы» революции Магжан писал: «Кто же не знает тюркскую музыку и девятиструнную домбру Фараби?».

Строчки Магжана «с восхода солнца утро идет, я иду, на землю я проливаю свет, солнце даю» отозвались в творчестве Султанмахмута Торайгырова словами «я вышел на черное казахское небо и стал солнцем». Стихи Магжана о том, что «землю укутала темнота, небо волнуется, и я волнуюсь, подобно небу» – не простой случайный всплеск. Поэзия определила своего пророка: в нем была глубина единого смысла с закваской мысли философов XX века. Поэт уже в четырехлетнем возрасте близко познакомился с тюркским миром, лежащим в глубине казахской духовности, и начал читать Библию. Толеген Айбергенов, более близкий к нам по времени, напрямую связан с этой «тайной» литературой. Он не был поглощен гигантом Магжаном, а сформировал свой уникальный стиль, проявив себя в казахской поэзии «героем-одиночкой» в борьбе против советской правды. Познавать, исследовать его творчество – наш сегодняшний долг. Каждое слово Поэта, служившего исключительно Музе, безмерно дорого. Потому что поэт стоит на столбовой дороге, ведущей к истине.

Его строчки «... Моя судьба похожа на судьбу кораблей» – ключ истины, как код великой поэзии. Абай переводил Лермонтова не потому, что стал профессиональным переводчиком, а потому, что был очарован строчками «Белеет парус одинокий в тумане моря голубом». Айбергенов появился в пространстве советской литературы подобно тому парусу. Во времена, когда верно утверждение «если верблюда качает ветер, козу увидишь в небе», он сказал: «Моя судьба похожа на судьбу кораблей». Это было его мастерство перевода тяжелой «судьбы» на легкий язык искусства. В этом была его новизна, не повторившая учителей.

В этом и проявляется искусство. Толегена мы познаем не по языку его поэзии, а по родственным ему образам.

Льёшься потом с луноподобного лба одарённого,
Трепещешь ушами Кулагера моих мечтаний.

Отделившись этими строчками от советской литературы, Айбергенов восхищается своей «судьбой кораблей». Сможет ли скакун без пролитого пота бежать на дальние дистанции?! Здесь «одаренный, рожденный со лбом как луна» – это Магжан, что становится понятным из второй строчки «Кулагер моих мечтаний».

Маловероятно, что Толеген, живя в Ташкенте, не прочел объемистый очерк Магжана «На белом пути» об Ахане-сері. Позже эта тема станет стержнем для всей советской литературы: поднявший казахскую литературу на союзный уровень своими поэмами «Кулагер», «Кюй», «Кюйши», «Степь» Ильяс Жансугуров опирался на темы и мерло искусства стихов Магжана Жумабаева. Поэтому советские бдительные редакторы конфисковали выражение Айбергенова «Кулагер-мечта» и заменили его на абстрактное «многочисленные быстрые мечты».

Айбергенов безусловно выбрал свое место в искусстве: «Кулагер-мечта» – не повторение Магжана, а девственный поэтический образ, Толеген встряхнул поэзию по завету Магжана. Что было бы, доживи он до возраста Магжана, поднявшись на один личностный уровень с ним? Этого никогда не простили бы Сталин и сталинизм, и поэту помогли увянуть зеленым, не дав поспеть плодам. Недаром такое же «явление» Абай увидел в молодом Лермонтове. Таким образом, выражение «судьба кораблей» – поэтическая система с широким дыханием, охватывающая Евразию. Лермонтов, как и Айбергенов, в раннем возрасте ясно предвидел свою смерть. Блистая парадным мундиром в царском дворце среди элиты, танцуя вальс с прославленными красавицами, он предрёк: «Они меня убьют». Сделано это предсказание было вечером накануне отъезда на Кавказ. Откуда он знал, что Мартынов уже ждет его в Бештау с пистолетом?!

Поэтическое чутье не ввело в заблуждение и Айбергенова: его гениальное предвидение «моя смерть достигнет меня от пуль предателей» точно определило психологический образ общества. Он видит ясно свой образ в этом общественном зеркале, говоря: «от другого не настанет моя смерть, потому что я не был связан со злодейством». А Магжан был связан, говоря: «небо волнуется, я тоже, как небо, волнуюсь», яростно сопротивлялся, был вовлечен в историю, в политику. Известно, что его современник, первый поэт России Александр Блок, написав поэму «Двенадцать», получил порицание своих поклонников наряду с Мережковским и Гиппиус. Как из уст провидца Айбергенова вышло слово «предатель»? Каковы отношения между вчерашним «общественным» и сегодняшним «государственным»? «Выбор народа» не смог защитить Магжана, потерпел поражение. В противном случае первый знаток русской поэзии Валерий Брюсов не поставил бы Магжана выше тогдашнего «Серебряного века», назвав его «казахским Пушкиным».

Не сталинизм ли был тем врагом из строчки Айбергенова «скрыли дорогу от моего врага зеленые цветы»? Поэтому-то Айбергенов и был прямой лестницей к Магжану. Нет слов, казахскому краю после Магжана «нужна красивая река, подобная тебе», для этого «нужна энергия моего величавого порыва». Айбергенов ясно определил свое место и значение.

Будучи наследником Магжана, Айбергенов шел по его следам – сохранил чистым искусство поэзии. Поклонявшийся образу как традиционалист, он был не символистом, а реалистом. «На языке гор разговаривают каменные пещеры» – это звучит как эхо личностей в образе гор. С тех пор как трижды стреляли в Шакарима и на рассвете разграбили его жилище, нарушился этот стройный ряд казахской литературы, перешел в вооруженные руки. Последний поэт – последняя свобода, которая не должна прерваться с Айбергеновым.

Смотревшие на сто лет вперед поэты были из породы исторических вождей народа.

Искры особенных музыкальных, алхимических способностей уроженца Фараба Фараби можно найти у Толегена, понимавшего «язык гор». Достаточно сказать, что он читал на память свои стихи наоборот – наука не отрицает сверхвозможности человека.

Это качество было присуще и Магжану. Толеген безусловно понимал самого себя, говоря: «Моя грудь – особенный сад музыки, где песней заливается соловей». Когда Н. Торекулов и С. Ходжанов перевели Магжана из глубин Сибири на

родину искусства и образования в Среднюю Азию, мы видели, как его «горло» стало заливаться песней в древнем «саду соловьев»! Когда же в Алма-Ате Толеген Айбергенов нашел свою смерть, ему было всего 29 лет. В Казахстане не случилось «оттепели». Когда совершенно здоровый Толеген внезапно умер, поехав на Дни писателей Казахстана в Узбекистан, узнавшая об этом его жена Урниса упала без сознания. Потом она по обычаю аменгерства вышла замуж за Шамши Калдаякова. Но вскоре развелась: они не поделили музу – Толеген не уходил из ее снов. Умершего последователя Магжана, своего современника оплакивал только Мукагали Макатаев. Эти личности были «героями-одиночками», защищавшими народ с белым копьём в руках.

К счастью нашей литературы в начале XX века, во время Ренессанса Магжан был понят современниками. Интеллигенты во главе с Ауэзовым, Аймаутовым, Кеменгеровым, Ходжановым, Х. Досмухамедовым стали магжановедами – духовной опорой нового облика казахского народа. Они защитили казахскую духовность, единогласно выступив против «хулиганства», разрушавшего драгоценное наследие, оживившее концептуальное казахское искусство и язык.

Прозаик Аймаутов стал литературным критиком: «...Пишущий стихи что-нибудь да возьмет у Магжана. Узорное ритмичное готовое слово, готовая форма сразу приходят на ум. Кроме легковесных стихотворцев в одно время сильные наши поэты, поэты, бывшие учителями Магжану, подражают своему бывшему ученику, когда пишут сегодня стихи».

Врач по профессии Кошке Кеменгеров писал: «Я тоже на своем уровне знаком с русской литературой. Знаю метод написания стихов. Однако сколько бы ни старался, я не стану таким, как Магжан. Как говорится: “Всякий хочет быть бием, однако не каждый может”. Многие хотят быть такими, как Магжан, однако в их таланте есть недостаток». («Енбекші қазақ», 1.12.1926). Это интеллигентное, вежливое слово по своему познанию стоит наравне с Брюсовским «Магжан – казахский Пушкин». Интеллигентность учителя Пушкина Жуковского, который признал, что ученик превзошел учителя, была принята казахским обществом, стала природным культурным желанием, родившимся из мечты создания литературной среды. А «мы» стали на путь сбрасывания с «трона» не царя, а Магжана, наслаждались таким «счастьем». Оценка Ауэзова: «Слово Магжана вышло за границы этого времени» резюмировала творчество поэта.

Магжан – поэт тюркского мира, родившийся из глубин веков:

Ты видишь лежащую перед тобой степь,
 Покрывшие ее, как шелк, зеленые травы,
 Величественная гора, слаще меда ее воды,
 Вот мать, которая меня родила.

Не случайно классик татарской литературы Галымжан Ибрагимов поместил эти строки 14-летнего Магжана на первую страницу своего романа «Казахская дочь». В качестве эпиграфа он взял стихотворение Магжана «К луне». Это было до революции. А вот такой стала степь после революции:

Желтая степь лежит как мертвец,
 Белая трава как саван покрывает ее,

Гор нет, леса нет, реки нет,
Не сияние, кровь льется на закате солнца.

Вместе с этой степью поэт угас, получил дыхание только из глубины истории:

В Туране тюрки играли как огонь,
Родился ли кто-нибудь, как тюрки, огнем?!
Когда многочисленные тюрки разошлись,
Разве не остался отчий дом у казахов?
(«После того как утомила проклятая жизнь,
я вглядываюсь в то прошлое».)

Когда казахская литература выпала из «повестки дня», башкирский народный поэт Сайфи Кудаш в 1969 году написал казахскому правительству официальное письмо и копию направил председателю Союза писателей. В 60-е годы, когда впервые реабилитировали Магжана, он услышал ответ от Сабита Муканова: «Сегодня нет человека, который занялся бы реабилитацией Магжана». Этот диалог казахское общество услышало спустя 28 лет («Қазақ әдебиеті», 22.12.1988). Сабит ошибся: импульс поэзии Магжана породил Айбергенова.

Ты ли копался в мелодии мечты,
Подобно кочевке невесты, выданной замуж.
В душе твоей осталась музыка или обида
После топота конских копыт.

Если бы не было вовремя себя нашедшего могучего таланта Айбергенова, кто знает, смогли бы говорить «каменные пещеры» «на языке гор», не появилась ли бы в общественном сознании «черная дыра».

Продолжив в его уникальности правду и образ Магжана, Айбергенов стал мастером образного языка. Ему переданся провидческий дар Магжана.

Магжан:

Мой народ, мое черное дерево,
Мощный величественный герой,
Сам упадет, не раскрывай его тайну, будь терпелив,
Глупцы не знают своих сил.

История не обманула поэта – сказанное им сбылось, мы же – обманули. Реабилитированного по желанию тюркского мира в далеком 1960 году поэта мы не допустили до своего народа, держали вне казахского общества. «Когда кулан чешется – точно стреляет ружье»: политизированное сознание точно совпало с политикой перестройки Горбачева, этот момент некоторые наши граждане обернули в пользу поэта. В свое время был смысл в непризнании официального документа Генеральной прокуратуры о реабилитации: «если можешь, наступай на лодыжку» – мы были в апогее ощущения себя хозяевами вечности. Всё это своей сущностью аруаны (верблюдица – символ богоматери) через свое жаждущее сердце провел Айбергенов. В стихах Айбергенова ясно проявляется «верблюжье» чувство ноши, вера несущего груз мечты поэта века Магжана:

Это твой верблюд, далеко несущий груз мечты,
 Вышедший из своей среды неиссякаемый дар,
 Ты озеро, качающее большие лодки,
 Драгоценный желанный сокол с белым лбом.

Осиротевшее без лебедей-поэтов «озеро» несомненно требовало Айбергенова с его «мощным возвышенным порывом»: объективная истина заставляет поэта говорить: «именно такая, как я, нужна одна красивая река».

Только со мной есть счастье у степи,
 Моя рука бьет камчой твое завтра.

В этих строчках поэт возвышается над землей. Это не пафос, а гениальность, не романтика, а реализм.

Поэт – особый «дар» природы, Айбергенов ясно почувствовал это после времени лишений. Поэтому:

Ты думаешь, мой родной, легко живется поэту,
 Быть внутри всех этих язв.
 ...
 Сгорая от зла, для лучезарного солнца один пленник,
 Встав напротив, подставить грудь под пули ружей.

В этом Айбергенов един с Магжаном: ожививший жанр восточной поэзии «назира» Толеген беседует с поэтом, соединяет его с казахской поэзией.

«... В мире литературы смерти нет. Умершие принимают участие в деятельности нас живых, находятся рядом» (Н. В. Гоголь). Настоящий талант хорошо понимает это. Так, Магжан пишет:

Утро идет с восхода солнца – я иду,
 Небо волнуется, я тоже волнуюсь,
 Темнота укутала землю,
 Земле я даю сияние, солнце даю.

Айбергенов отвечает ему:

Ласкает избалованный ветер душу и тело,
 Серое, наступает раннее утро,
 Погружаясь в сияние солнца,
 Зеленый тростник изящно танцует.

Какая гармония! Как бы мы ни лишали Магжана всего, природа не лишала: «вновь рожденный» духовный сын Магжана (не хуже Магжана) стал уникальным.

Толеген говорил: «Я был мечом, не наносившим раны», правдива его строчка «...ты бы испугался, если бы увидел чувство во мне». Экспрессивные слова не часто встречаются у Магжана, слово Толегена испускает свой неповторимый аромат, но их объединяют степь и глубокое чувство. Не просто чувство, а «кра-

сивое» чувство. «Прирожденный талант» Магжана ведет к создающему музыку Фараби, к тюркской музыке. Это несравнимое «духовное богатство» – наше счастье, источник энергии, подгоняющий наше завтра, который ясно различает Айбергенов: «Моя рука камчой подгоняет твое завтра».

Поэтика Айбергенова («встав напротив, подставить грудь под пули ружей») ведет не к восточной газели, а к реализму Абая. Магжан в свое время поступил так же: вместе с Востоком четырнадцатилетний Магжан познал Абая, сказал: «Сам он поэт, слова его как золото, муж Абай»».

Мы убеждаемся, что Айбергенов соответствует абаевскому образу мужа («из сложностей сочиняет герой-мудрец», если «мы фанатично идем следом за глубокой мыслью»). Этому доказательством служат строчки, в которых Айбергенов вступает в соревнование с учителем Магжаном: у Магжана «желтая степь лежит как мертвец», у Айбергенова «зеленый тростник изящно танцует». Если Магжан сочетает свое траурное чувство, глубоко проникающее в народную трагедию, с природой, Айбергенов снова цветет в своей созидательной молодости. Тем не менее, возрождаясь в этом чувстве аруаны, изливается в стихах:

Раскрыл широко свои глаза,
Пламя их приравнял к совести.
За счет них
Свой стих создавал суровой зимой.

«Пламя их приравнял к совести» альтернатива правилу «литература – совесть нации». Перед глазами предстает совсем молодой Толеген, занимавшийся сознательным творчеством – «я ишу весну, глядя в сугробы белого снега». Огонь любви не дал ему замерзнуть даже в морозную зиму: во время советского красноречия он расцвел, в этом его отличие от современников. Так он из «совести нации» превратился во вневременную аруану.

Аруана, попав в руки врага,
Убивает своего верблюжонка,
Не остановится, пока не найдет кол на своей родине,
Пускай даже солнце закатится навечно.
Характер аруаны сделал Толегена личностью.
Как горы, которые белые дожди грызли,
Я умру на моей высоте.

Эти строчки Айбергенова оставляют впечатление его верности кумирам казахской поэзии и единства с «судьбой Магжана».

Когда вместе с сильными лидерами, служившими сегодняшнему дню казахского общества, в 1929 году Магжан попал в Бутырскую тюрьму, его сборник стихотворений заговорил на немецком языке, начал жить на родине Гете и Шиллера.

Будет неправдой сказать, что этот «советский парадокс» на мировом уровне не имеет никакого отношения к Айбергенову, несущему сущность аруаны. Атрибуты восточной поэзии, изученные Магжаном, его образную систему можно найти и у Толегена. Магжан «чутьем верблюжонка» точно обнаружил родину тюркского искусства:

Эх, зачем мне мечта, если я последую за Коркытом,
Если я сумею, как Коркыт, душу слезами промыть.

А Толеген сказал: «Я одна нота кюя Курмангазы». Куда ушло это природное единство, наблюдается ли оно в сегодняшней казахской поэзии? Что такое «нить традиции», как она продолжается? Пишут ли наши значительные поэты в стиле Толегена: «мой век на моих плечах». Стиль – это сам поэт. Там, где нет личности нет и стиля. Например:

Нельзя слушать, не расплавившись,
Не словами, а мелодией писал историю мой народ,
В этих красноречивых струнах нашел я особую тайну,
Перед моими глазами предстала, кружась, вся моя степь.

Попробуем взвесить стили двух поэтов на весах познания.

Эти «красноречивые струны» – какие же это струны? Все ли струны домбры красноречивы? Какой предстает, кружась, перед глазами степь? Наш народ писал свою историю – только мелодией? Поэтические, архитектурные, музыкальные ассоциации намекают на особую точность невидимых глазу линий.

Определение «Поэт – соловей» первым сформулировал Абай, по Магжану «Блок – Соловей», в строчках «Моя грудь особенный сад музыки, где заливается горлом соловей» Айбергенов безупречно познал самого себя. Однако мы – не познали. Безупречную правдивую поэзию сегодня днем с огнем не найти.

Духовную ответственность поэта Айбергенов умещает в одной строчке: «мой век на моих плечах». К сожалению, несмотря на официальное провозглашение независимости, отношение к языку, к оригиналу не изменилось. На праздниках возвращения тюркскому миру реабилитированного Магжана и прославленного Толегена вперед вырвалось не познание, а многословие. Есть цельный, на европейском уровне образ Толегена «бурно кипят все родники», но передовой становится книга «Звезды в родниках» с заимствованным от этого образа названием, и по неписаному правилу награду получает не Толеген, а автор заимствования.

Строки Айбергенова «Искавший слово в глубине, я прозрачный глаз сазана» находятся в природном единстве с М. Кашгари, собравшим по всему Турану тюркские слова. Поэт Мукагали Макатаев свидетельствует: «...Сегодня мы все преклоняемся перед вчерашними стихами Толегена Айбергенова, покойный при жизни не смог услышать о себе, нуждаясь в этом. Его творческая судьба, подобная кулану, ищущему в песках воду, остается в нашей памяти».

Мы же опираемся на истину гения Н. В. Гоголя: «В мире литературы смерти нет. Умершие принимают участие в деятельности нас живых...»

